
SUB SPECIE AETERNI, ИЛИ КАК ПРАВИЛЬНО ЖИТЬ? (анализ этической установки Л. Витгенштейна)

С.А. Костина

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Несмотря на то, что основная часть «Логико-философского трактата» Людвиг Витгенштейна посвящена анализу языка и пропозициональной логики в духе аналитической философии того времени, это произведение так или иначе затрагивает различные философские вопросы онтологического, гносеологического, аксиологического характера. Сам Витгенштейн говорил, что гораздо важнее та часть работы, которая не написана, причем не написана намеренно, как следствие его философских воззрений. Очевидно, что такое произведение порождает множество трактовок и исследований, вплоть до имевшего место конфликта интерпретаций, когда члены Венского кружка восприняли «Трактат» как исключительно позитивистскую работу.

Данная статья будет посвящена этической составляющей в философии Витгенштейна, так как именно этика и есть то, ради чего был написан «Трактат», поэтому в произведении содержатся немногочисленные размышления о счастье, добре и зле, воле. В нашем анализе этики Витгенштейна мы обратимся и к другим его работам, где упоминается данная проблематика. Для начала стоит определить, каким Витгенштейн видит мир, и затем задуматься, какова участь человека, в нем живущего.

Актуальность подобного исследования, во-первых, объясняется историко-философской необходимостью прояснения некоторых моментов в концепции Витгенштейна, которые, возможно, не получили пока должного рассмотрения, во-вторых — вневременностью тех категорий, которые Витгенштейном были затронуты, ввиду того что они касаются тех содержаний жизни, которые всегда будут иметь значение для человека, вне зависимости от эпохи, в которой он живет. Более того, Витгенштейном были подняты вопросы, которые каждый человек, стремящийся вести осмысленную жизнь, себе задает.

Язык был тем срезом, с помощью или же на примере которого Витгенштейн выражал свои идеи, он вел свои исследования не ради языка и какого-либо лингвистического знания, язык стал той областью, в которой была показана важность того, что не может быть им схвачено и выражено, а именно этического и эстетического.

Этика «проистекает из стремления сказать нечто об изначальном смысле жизни, об абсолютно добром и абсолютно ценном» [6. С. 245]. Витгенштейн был из тех философов, кто занимался тем, что действительно было для него жизненно важно.

Рассмотрим сказанное на примере главного философского вопроса А. Камю: «стоит ли жизнь труда быть прожитой?» — и сравним его с проблемой универсалий в средневековой философии.

Представляется очевидным, какая тематика является решающей, ключевой, настоящей и попросту более насущной для человека. Витгенштейн также был из тех немногих философов, для кого собственные концепции не были чем-то отвлеченным: они имели для него поистине жизненное значение; по свидетельству его современников, он представлял собой скорее духовное событие, чем автора определенной концепции [1. С. 28].

Важна ли для человека, по большому счету, пропозициональная логика, если под важностью мы понимаем то, что ставит под вопрос всю жизнь? Важность — это атрибут того, что в аксиологии носит имя ценности. Витгенштейном были выделены два типа ценностей. Относительную ценность имеют те объекты, которые были оценены нами путем сравнения с нашим идеальным представлением о них, точнее, с их назначением, целью существования, необходимыми характеристиками, и затем выносим суждение: хорошие они или плохие (сюда относятся суждения типа «хорошее пальто»). Совсем иначе дело обстоит с абсолютной ценностью, с абсолютным этическим смыслом. В связи с этим самое время сказать о том, каким видится мир в анализируемой нами концепции.

Дело в том, коротко говоря, что логический образ фактов («1.13. Факты в логическом пространстве суть мир» [2]) зеркально отражает мир в языке, в силу того что язык и мир имеют одну и ту же логическую структуру. Пространство логики — то пространство, где разворачивается и язык, и мышление. Реальность рассматривается как некая семантическая логически упорядоченная структура, а не совокупность конкретных объектов мира. Объекты анализируются как логико-семантические конструкты, которые не сводятся к физическим телам. Логике нет до них дела. Она априорно существует до всякого возможного положения вещей, которое не может образоваться вне ее.

Полная идеальность логики языка и ее взаимосвязь с онтологией позволяют Витгенштейну сделать вывод о том, что границы языка тождественны границам мира, другими словами, что субъект является онтологической границей мыслимой и, соответственно, воспроизводимой в языке реальности, за пределами которой сознание и логика невозможны.

Кроме того, логика сама по себе не может быть схвачена ни языком, ни, следовательно, мышлением, она трансцендентна. Она может лишь показывать себя, ведь нельзя получить образ того, что лежит в основе самого *принципа* отображения, так как для этого нужно было бы выйти за пределы мира.

Очевидно, что Витгенштейн придает глаголу «показывать» особый, отличающийся от обыденного, смысл. Здесь говорится о том, что *дает себя обнаружить*, но вместе с тем не может найти выражение в осмысленных предложениях в силу своей особой природы, что может только показаться, но не быть сказанным.

Опираясь на сказанное, вернемся к этике. Очевидно, что смысл, предположим, абсолютного добра, а также абсолютный глобальный смысл жизни человека и су-

ществования мира вообще не могут являться предметом нашего знания, ибо содержания такого рода расположены *вне* нашего возможного мира, представленного так или иначе нашему опыту: «6.41. Смысл мира должен лежать вне его. В мире все есть, как оно есть, и все происходит так, как происходит. В нем нет никакой ценности, а если бы она там и была, то она не имела бы никакой ценности» [2]. Позже, в «Культуре и ценности», будет написано: «455. Вечное и важное для человека часто таится под непроницаемым покровом. Он знает, что за ним скрывается что-то, но не *видит* этого. Покров отражает дневной свет» [5. С. 485].

Здесь также стоит рассмотреть вопрос воли, как категории, относящийся к этике непосредственно. Воля придает осмысленность всем явлениям. В «Логико-философском трактате» почти ничего не написано по этому поводу, однако в дневниках можно найти кое-какие мысли на этот счет.

Как мы уже поняли, Витгенштейн отвергает классического гносеологического субъекта, субъекта представляющего. В дневниках он называет его химерой: «Представляющий субъект есть, пожалуй, пустая химера. Но волящий субъект существует» [4. С. 134]. Воля предстает как носитель добра и зла, то есть ценностей, воля и ценность пересекаются, стало быть, волящий субъект есть также и аксиологический. «Добро и зло входят только через субъекта. А субъект не принадлежит миру, но есть граница мира» [2].

Продолжив эту мысль, мы поймем, что ценности, добро и зло, трансцендентальны, поскольку они находятся в субъекте, который не принадлежит миру.

А что такое, по сути, ценность? Это то, что *для конкретного субъекта* служит мерой всех вещей, иерархизирует для него факты мира в их соотношении с высшей ценностью. Человек ранжирует факты с помощью своего ценностного полагания, факты, которые в мире, сами по себе, равноценны. Для нас же факты неравноценны, поэтому «мир счастливого совершенно другой, чем мир несчастного» [2], и счастье зависит от того, насколько окружающие нас факты согласуются с нашим представлением о нем. При этом речь идет не о содержательном отношении, а о перспективе видения мира. Воля — это то, что отличает мой мир от мира других.

Каково место человека в таком мире, как он проявляется в нем? Дело в том, что весь наш опыт разворачивается в мире фактов, и человек сам по себе не может стать предметом своего опыта, в этом смысле его просто нет в мире. Мы можем говорить лишь о своем теле, которое является одним из объектов. Витгенштейн отрицает разграничение между субъектом и объектом, его интересует именно метафизический субъект, то есть философское «Я».

Субъект знаменует границу мира (но не его часть). Хотя субъекта нет нигде в мире, но в то же самое время есть «смысл, в котором в философии можно не психологически говорить о Я. Я выступает в философии благодаря тому, что «5.63. Я есть мой мир (микрокосм)» [2]. Я делает мир своим, Я встраивается в мир, оно напоминает некую точку наблюдения мира, угол зрения, отправную точку философской рефлексии.

Интересное замечание, которое в некотором роде подтверждает вышесказанное, делает Э. Алэ: в предпоследнем афоризме «Логико-философского трактата»

Витгенштейн говорит «Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность». Алэ обращает наше внимание на то, что он говорит «меня», а не «мой текст», или «мою концепцию» [9].

Философское Я есть не человек, человеческое тело и человеческая душа, о которой говорится в психологии, но метафизический субъект, граница — а не часть мира» [2]. Справедливо будет рассуждать не о гносеологическом или психологическом субъекте, а о логическом, который утверждает, что мир есть мой мир не на основе своих собственных *психологических состояний*, а исходя из присущей всей реальности логической формы. С точки зрения познания функция «Я» сводится к применению языка, черты которого не зависят от субъекта, а сами по себе задают параметры опыта. Язык лишь указывает на субъект, но для организации опыта (или мира) в нем не нуждается.

Как быть такому субъекту в таком мире? В законе причинности, к примеру, ему отказано, будущие события не могут выводиться на основе предыдущего опыта: «5.1361. ...Вера в причинную связь есть предрассудок» [2]; закон индукции не является логическим законом, так как имеет дело с чувственным опытом.

Вопрос существования Бога никогда не рассматривался Витгенштейном напрямую по понятным причинам (как одна из тем, о которой лучше хранить молчание), кроме того, Бог не может принимать участие в делах мира. Но есть ли какая-либо первопричина, есть ли нечто, что определяет события мира? В логике все неслучайно, вне логики все случайно, узнаем мы из «Логико-философского трактата». Очевидно, что содержание фактов определено логической необходимостью, а где имеет место случайность?

Судя по всему, Витгенштейн имел в виду то, что *в самом мире* нет какой-либо высшей цели и закона, в соответствии с которыми он существовал бы, равно как и по отношению к Я мир тоже случаен и не зависит от его воли, как, впрочем, он независим и от человеческой рациональности: «то, что делает это [все происходящее] не случайным, не может находиться в мире, ибо в противном случае оно снова было бы случайным. Оно должно находиться вне мира» [2]. Стало быть, как пишет З. Сокулер, «мир оказывается для него лишенным ценности и смысла набором случайных фактов и обстоятельств. От такого мира нечего ждать, в нем не на что надеяться, и субъекту остается только занять достойную этическую позицию» [3. С. 59]. Рассмотрим подробнее эту позицию.

Витгенштейновская этическая установка заключается вовсе не в поведении с соблюдением конкретных норм, это не этика морали, а этика, если использовать выражение М. Фуко, «заботы о себе» (но не в понимании Фуко, когда под заботой подразумевалось создание из своей жизни произведения искусства путем ее эстетизации). Кроме того, этический дискурс Витгенштейна полностью исключает традиционный механизм «кнути и пряника» в плане некоего вознаграждения за хорошее, «должное» поведение и наказания за неправильное; этика, по его мнению, самодостаточна и самоценна, она и есть «награда». Французский исследователь Пьер Оди в статье, посвященной Витгенштейну, пишет: «Единственная правильная жизнь — это счастливая жизнь. Она не нуждается ни в чем ином, кроме себя

самой, и не оправдывается ничем, кроме себя самой, и ценность которой — в ней самой, а никак не во внешнем одобрении» [8. С. 41].

В «Дневниках 1914—1916» Витгенштейн утверждает: «Хорошая жизнь — это мир, видимый sub specie aeternitatis» [4. С. 138]. Это латинское выражение переводится как «с точки зрения вечности». В «Логико-философском трактате» афоризм 6.45 гласит: «Созерцание мира sub specie aeterni есть его созерцание как ограниченного целого. Чувствование мира как ограниченного целого есть мистическое» [2]. Поиски написанного на эту тему в других произведениях философа не приводят к успеху, поэтому мы попытаемся проанализировать то, что удалось найти. Представляется важным здесь обратить внимание на слова «ограниченное целое» и «чувствование». Очевидно, здесь идет речь о том, чтобы почувствовать свое некое особое положение по отношению к миру и, что самое главное, свою причастность к чему-то большему, чем *этот* мир фактов, ведь человек — не одна из составляющих мира, это его граница. З. Сокулер предполагает, что Витгенштейн имел в виду «крайнюю степень незаинтересованности и отстраненности от прихотей случайного течения событий» [3. С. 61]. Мы можем добавить, что это «непродвижение» своих интересов в мире, «непроявление» своей воли, так как она может не совпасть с действующим положением вещей; мир в любом случае от нее независим.

Вечность можно рассматривать двояко: во-первых, это бесконечность (отсутствие конца в некоем линейном континууме), во-вторых — безвременность. Именно в этом втором понимании жизнь вечна, если жить настоящим. Дело в том, что наша собственная смерть как прекращение жизни не будет объектом нашего опыта; то есть в рамках нашего осознанного опыта *настоящего* мы живем вечно; никогда не будет возможным сказать себе «моя жизнь окончена» и проанализировать, как она прошла. Счастлив тот, кто живет в настоящем, а не во времени.

Стало быть, настоящее здесь имеет форму вечности, оно не соотносится с временным континуумом, как если бы категории времени не было. В.А. Суровцев поясняет, что «быть в согласии с миром — значит оценить его с точки зрения вневременной, с точки зрения, не оперирующей категорией смерти как факта» [7].

Обратимся непосредственно к Витгенштейну: «6.521. Решение проблемы жизни состоит в исчезновении этой проблемы. (Не это ли причина того, что люди, которым после долгих сомнений стал ясным смысл жизни, все же не могут сказать, в чем этот смысл состоит)» [2] — это высказывание представляется довольно интересным, попробуем задуматься, почему они не могут этого сказать? Потому что этот смысл лежит вне мира, и он не формулируется в словах; очевидно, что люди, его познавшие, не использовали язык, они его почувствовали, если можно это предположить.

Человек, как граница мира, имеет доступ к обеим сторонам — и к выразимому, и к невыразимому. В силу того, что смысл мира лежит вне его, он необъясним. Кроме того, нет даже необходимости его объяснять, так как нет возможности и спрашивать о нем, даже сам вопрос о смысле жизни невозможен и не нужен. Однако если все же есть вопрос, необходимо, согласно Витгенштейну, так перестро-

ить свою жизнь, чтобы устранить вопрос, надо сместить акцент в противоположную миру сторону, и вместо формулирования вопросов иметь чувствование ответов, когда вопрос даже не может возникнуть. Нужно как можно лучше встроить себя в мир, «совпасть» с ним. «[147] Решение встающей перед тобой жизненной проблемы — в образе жизни, приводящем к тому, что проблематичное исчезает. Проблематичность жизни означает, что твоя жизнь не соответствует форме жизни. Тогда ты должен изменить свою жизнь и приспособить ее к этой форме, тем самым исчезнет и проблематичное» [5. С. 436].

Случай радикального несогласия с миром — самоубийство, добровольное самоустранение. И на это действительно могут быть причины, ведь факты мира, окружающие нас, от нас не зависят, и может так случиться, что наши ценности не согласуются с ним никак. Для Витгенштейна факт самоубийства являлся свидетельством недобродетельной, даже скорее неистинной жизни, что подтверждается также еще таким замечанием: «[166] Никто не может истинно заявить о себе самом, что он дерьмо. Ибо если я говорю сие, оно может быть в некотором смысле истинным, но сам я не могу проникнуться этой истиной: в противном случае я должен был бы сойти с ума или же измениться» [5. С. 442]. Стало быть, или же человек живет и осознает себя и свою жизнь как достойными проживания, или же, если он отдает себе отчет в происходящем и честен с собой, он сходит с ума или/и совершает самоубийство.

В целом эта тема имела для Витгенштейна особое значение, так как все три его брата ушли из жизни именно через самоубийство. По мнению некоторых исследователей, Витгенштейн сам боролся со склонностью к самоубийству, и поэтому ему важно было подвести теоретическую базу для отрицания самоубийства.

Таким образом, мы осуществили попытку анализа этической установки в концепции Витгенштейна. Мы имели дело с весьма необычной концепцией, которой чужды были философские традиции того времени. Счастье заключается в совпадении с самим собой и с миром, безотносительно к какой-либо внешней силе, это в первую очередь индивидуальная этика, подразумевающая работу над самим собой. Знаменитое философское вопрошание в нашем случае заменяется стремлением к совершенно обратному состоянию, когда вместо вопросов предлагается чувствование ответов, и при этом поясняется, о чем конкретно спрашивать и говорить не стоит вообще, что стоит оставить нетронутым словами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вригт Г.* Людвиг Витгенштейн. Человек и мыслитель. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993.
- [2] *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Наука, 1958. URL: <http://lib.rus.ec>.
- [3] *Сокулер З.А.* Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. Долгопрудный, 1994.
- [4] *Витгенштейн Л.* Дневники 1914—1916. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.
- [5] *Витгенштейн Л.* Культура и ценность. URL: www.books.vmg.pp.ua.
- [6] Историко-философский ежегодник. 1989. М., 1989.
- [7] *Суровцев В.А.* Принцип автономии логики в философии раннего Витгенштейна. Томск: Изд-во Томского университета, 2001. URL: <http://sbiblio.com>.

- [8] Magazine littéraire. № 3 52 — mars 1997.
[9] Emmanuel Halais *La réalisation de soi et l'éternité* — Wittgenstein et Hermann Hesse. URL: <http://www.romanistik.info>.

SUB SPECIE AETERNI, OR HOW TO LIVE CORRECTLY? (Research on the L. Wittgenstein's Ethics)

S.A. Kostina

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

REFERENCES

- [1] Vright G. *Ludwig Wittgenstein. Chelovek i myslitel'*. Moscow: Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Kul'tura», 1993.
[2] Wittgenstein L. *Logiko-filosofskij traktat*. Moscow: Nauka, 1958. URL: <http://lib.rus.ec>.
[3] Sokuler Z.A. *Ludwig Wittgenstein i ego mesto v filosofii XX v.* Dolgoprudny, 1994.
[4] Wittgenstein L. *Dnevniki 1914—1916*. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2009.
[5] Wittgenstein L. *Kul'tura i cennost'*. URL: www.books.vmg.pp.ua.
[6] *Istoriko-filosofskij ezhegodnik*. 1989. Moscow, 1989.
[7] Surovcev V.A. *Princip avtonomii logiki v filosofii rannego Wittgensteina*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2001. URL: <http://sbiblio.com>.
[8] Magazine littéraire. № 3 52 — mars 1997.
[9] Emmanuel Halais *La réalisation de soi et l'éternité* — Wittgenstein et Hermann Hesse. URL: <http://www.romanistik.info>.